

М.С.Горбачев

«Перестройка оборвалась не сама по себе: ее сорвали»

...В моем понимании самый существенный наш просчет – опоздание с реформированием КПСС. Все у нас в стране начиналось с КПСС. Если бы в руководстве КПСС не зародилась идея перестройки, никакой реформы и никаких преобразований не было бы. Это ясно... Я думаю, что в апреле 1991 года, когда я на Пленуме ЦК заявил об уходе в отставку с поста генсека, надо было идти до конца. Но я не пошел на раскол, хотя тогда надо было это сделать. В июле 1991 года мы вышли на социал-демократический проект программы и собирались в ноябре провести съезд. В июле же была завершена подготовка Союзного договора, он был согласован с республиками и назначена дата подписания. Введена в действие антикризисная экономическая программа, которую приняли все, даже прибалтийские республики. На чрезвычайном съезде КПСС, который должен был состояться осенью, произошло бы размежевание. Но осуществить этот план не удалось из-за августовского путча.

Вторая ошибка связана с судьбой Союза. Все мы были уверены в его незыблемости и прочности. Никто у нас и даже за рубежом, как признает посол США Мэтлок, не предполагал, что Союз распадется, никому это и в голову не приходило. Не следует думать, что он был искусственно создан в 1922 году и что все шло к тому, что он должен был развалиться в годы перестройки, или что он пал в результате иностранного заговора. Да, за рубежом немало таких, кто руки потирал и потирает в связи с развалом Советского Союза. Еще бы! Но тем не менее развалили Союз мы. А надо было его реформировать: он нуждался в реформировании и децентрализации. Только те, кто не способен мыслить и лишен демократических убеждений и подходов, выступали за то, чтобы «держат и не пущать». Демократизация и децентрализация решали этот вопрос. И тот проект Союзного договора, который был уже вынесен на подписание в августе 1991 года, решал эту задачу. В новом Союзе

сохранялись президент, и парламент, избираемые страной. Там была прописана сильная роль союзного государства в экономике, особенно в ее стратегических отраслях, совместная оборона и внешняя политика, а все остальное – в республиках. Нашу громоздкую и неповоротливую государственную машину надо было децентрализовать. Это было единственное спасение Союза, но означало конец неограниченной власти союзной бюрократии.

И наша третья ошибка. Напомню, что до середины 90-го года все опросы показывали, что Горбачев идет впереди. А второе место у Ельцина. Но уже к осени картина меняется. Произошло это после того, как Николай Рыжков заявил о предстоящем повышении цен. Началась паника. Раскупили все: замки, тарелки, чашки, все – чуть ли не два годовых товарооборота. В очередях люди стали говорить, что у Горбачева не получается, «надо коней менять». А проблему рынка можно было и решить. Сошлюсь на академика Шмелева. Он тогда предлагал найти 15 миллиардов валюты, закупить товаров за рубежом и снять эти 50-70 миллиардов избыточного спроса.

Трудности на потребительском рынке в немалой степени были связаны и с тем, что мы врачам и учителям зарплату повысили и пошли на новый закон о пенсиях. А это 45 миллиардов рублей. И все это – на фоне трехкратного снижения мировых цен на нефть, в результате чего мы сразу потеряли две трети валюты. В этом смысле раньше Брежневу везло, а теперь и Путину. А у нас был еще и Чернобыль, и армянское землетрясение, антиалкогольная кампания.

...Острая дискуссия по этим вопросам возникла на заседании Политбюро между членом Политбюро, секретарем ЦК по экономическим вопросам Слюньковым и руководством Правительства. Слюньков после этой схватки заболел. Я понимал, что он прав. Члены Политбюро и приглашенные сидят, ожидают моего выступления. Я понимал, что надо найти 10-15 миллиардов валюты, придержать закон о пенсиях и прямо

сказать об этом людям. Но на это Политбюро не пошло. Это был самый большой просчет. И отношу я это на свой счет.

...Накануне отъезда в начале декабря 1991 года в Белоруссию президент Борис Николаевич Ельцин зашел ко мне и рассказал о цели своей поездки. Вот наш разговор.

Ельцин: «Мы договорились о встрече с Шушкевичем, но решили туда пригласить и Кравчука, который не хочет в Москву ехать, после декабрьского референдума. Вы спрашиваете, о чем я с ним буду говорить? – О том, что у нас есть договор».

Горбачев: «Ты же заявил перед народом по телевидению, что Союз будет. Вот это и Кравчуку надо сказать. В конце концов, скажи, что мы согласны на ассоциированное включение Украины в Союз, а дальше потом сама Украина определится. Тем более что она подписала экономический договор, а значит, намерена в нем участвовать. Если же и это не примет Кравчук, тогда приезжайте в понедельник в Москву, будем решать, что делать дальше».

Но они в Беловежье приняли решение о роспуске Союза. Ельцин этого и добивался. Он боялся ответственности и хотел использовать карту Украины для обоснования развала СССР.

Моя реакция на беловежский сговор хорошо известна. Она исходила из того, что три человека не могут решать судьбу Союза. Это могут сделать только демократически избранные Верховные Советы республик. Пусть они соберутся и обсудят согласованный и направленный им ранее проект Союзного договора, который сохраняет союзное государство, и если это нужно, обсудят и беловежские соглашения.

Мое заявление публикуется в «Правде» и «Известиях» и все. Никто не реагирует – ни журналисты, ни знаменитые профессора-демократы, ни интеллигенция, ни молодежь, ни женщины, ни армия, ни коммунисты, которые пытались и пытаются сейчас оправдать свою поддержку ГКЧП тем, что это было бы спасением Союза. А Верховные Советы РСФСР, Украины и Белоруссии сходу, практически без обсуждения ратифицируют

беловежские соглашения. Хасбулатов сам потом рассказывал мне, как Зюганов по его просьбе бегал и уговаривал депутатов-коммунистов голосовать «за», т.е. за роспуск Советского Союза. В Верховном Совете России проголосовало «против» пять-шесть человек, на Украине – трое, в Белоруссии – один Лукашенко. Приняли стоя «на ура». Сумасшествие, умопомрачение какое-то!

Почему же люди, которые еще в марте на референдуме проголосовали за Союз, остались глухими? Во-первых, беловежская головоломка создала представление, что предложенное содружество – это почти все, что было в Союзном договоре, только без союзного государства. Почитайте, там все есть: и общая оборона, и согласованная социально-экономическая политика, и валюта. Все было сделано для того, чтобы подсластить горькую пилюлю для общества. Это был обман. Потерпите до ноября, – говорил Борис Ельцин; потом как его рука на экране, пойдём вверх и вверх – к царству небесному и через четыре года будем жить в одной из четырех, даже не из пяти, самых процветающих стран в мире. Это популистская авантюра, в которую люди поверили. Но уже в 1992 году получили ответ.

...Иногда можно слышать, что слишком большую цену заплатили мы за перестройку. При этом ссылаются на бедствия 90-х годов. Но это плата не за перестройку, а за авантюристическую политику ельцинской власти. Перестройка дала людям права, свободу выбора, вероисповедания, политический, экономический плюрализм. Перестройка отодвинула угрозу ядерной войны. Всем известно, что она дала. Не буду перечислять. Но она оборвалась и оборвалась не сама по себе. Ее сорвали. И результат этого – все то, что произошло потом с нашей страной и на всем постсоветском пространстве. Хочу сказать, в том числе и сидящим в зале: я читаю ваши выступления и часто вижу: Горбачев, Ельцин идут через запятую. Ничего подобного! Потому и пошел сценарий катастрофически, что команда Ельцина отвергла путь перестройки.

...Я считал и считаю: перестройка была необходима. Мы ее упустили, хотя были шансы на успех.

Из выступления 7 апреля 2005 года на Международной конференции в Российской академии наук по теме: «Перестройка для страны и мира. Как она видится двадцать лет спустя.